

Н. В. ГОГОЛЬ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

(К 200-летию со дня рождения писателя)

Ю. И. Мирошников

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ АНТРОПОЛОГИЯ Н. В. ГОГОЛЯ

Раскрывается комплекс романтических идей, воплощенных в художественной антропологии писателя; фиксируются повсеместные нарушения основанных на христианстве норм нравственной жизни героев поэмы «Мертвые души»; личность главного действующего лица, Чичикова, характеризуется как сингулярная.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Н. В. Гоголь, антропология, литературный образ, поэма «Мертвые души».

Литературное произведение представляет собой художественную модель взаимодействия человека с миром. В процессе творчества художник обнаруживает интерес сразу к двум сторонам этого взаимодействия: и к миру, и к человеку, поэтому всякое художественное произведение несет в себе антропологическое содержание. Как утверждает В. Е. Хализев, «в своем обращении к вечным темам искусство оказывается сродным и близким онтологически ориентированной философии и учениям о природе человека (антропологии)» [Хализев, 1999, 43]. Е. А. Самоделова предлагает конституировать антропологическую поэтику как особый раздел авторской поэтики, относя к ее предмету человека «во всей совокупности проявлений его характерных свойств», нашедших свое воплощение в том или ином художественном произведении [Самоделова, 2006, 13].

В плане художественной антропологии писатель прежде всего устремляет свои творческие усилия на познание внутреннего мира человека, на человеческую душу, его духовную жизнь. К важнейшим свойствам духовности человека европейская художественная литература Нового времени относил многообразные проявления эмоциональной сферы.

Внимание новоевропейского писателя к эмоциональной чувственности было задано христианским **п р и н ц и п о м с е р д ц а**, устанавливающим первенство любви

как основы духовного существования человека над его остальными способностями, в частности интеллектуальными, которые так ценила античность. Для описания жизни человеческого сердца в художественной литературе был выработан огромный словарный ресурс, система символики, передающая различные нюансы нравственных состояний, побуждений и поступков человека.

Образ сердца, структурирующий художественную антропологию, сопрягается с идеей духовной вертикали, организующей онтологию внешнего объективного мира и мира субъективной реальности человека. Человек живет в иерархизированном, ценностно ранжированном мире. Мир поляризован на духовный верх и духовный низ. Выбор, который человек совершает, всякий раз происходит благодаря подсказке его сердца. Любое движение, исходящее от сердца, ценностно ориентировано: оно либо ведет человека вверх, либо увлекает вниз.

Данный характер художественной антропологии реализуется в искусстве романтизма: противоположности мира (его верх и низ) находят отклик в душе человека, порождая при этом глубокие нравственные коллизии. Такова, в частности, проблематика гоголевских произведений, среди которых конфликты героев поэмы «Мертвые души» играют исключительно важную роль для понимания художественной антропологии автора.

Автор-повествователь без обиняков объявляет, что и главный герой, и те персонажи, которые в поэме составляют его окружение, взяты лишь затем, «чтобы показать недостатки и пороки русского человека» [Гоголь, 1994, 7]¹. Большинству действующих в поэме лиц, представляющих разнообразные человеческие типы, сословия и профессии, Гоголь предъявляет суровое обвинение в бездуховности и бессердечии. Вся поэма — это рассказ о том, как духовно оскудел и зачерствел сердцем современный человек, как потерял из виду ценности небесные и всей душой прилепился к ценностям земным. Духовная нищета современного человека (и человечества) скрупулезно исследуется автором через наблюдение сердечных движений героев «Мертвых душ». Оказывается, что их сердце не выступает больше исходным началом для высоких стремлений, их внутренний мир потерял иерархическую структуру, а душа уже не возвышается над телом и не первенствует в человеке.

Основанная на христианстве норма нравственной жизни — возвышение духовного над телесным — повсеместно нарушена. Душа и тело больше не образуют вертикали, а существуют как рядоположенные, подменяющие друг друга элементы чисто земного существования человека, забывшего о своей небесной родине. Так, автор замечает, что жители губернского города N сразу «душевно полюбили» приехавшего Чичикова, но теперь, после пронесшегося слуха о том, что он «миллионщик», его полюбили «еще душевнее» [143]. Таким образом, душевность никоим образом не отсылает к какой-то особой, отличной от земных реалий инстанции. Возрастание душевности в отношении к Чичикову под влиянием слухов о том, что он миллионщик, разоблачает душевность как нравственное качество жителей губернского города. Такая душевность — некий эрзац, социально-психологический феномен нравственной жизни (а вернее, нравственной смерти) современного общества, в котором

¹ Далее текст поэмы цитируется по данному изданию с указанием страниц в скобках.

давно произошла подмена настоящих нравственных категорий их пустыми имитациями. Кстати, Гоголь убедительно показывает и то, что русский язык давно привычен к этой подмене благодаря двусмысленности слов «дух», «духовный», «душевный», «сердечный», взятых одновременно в их высоком и приземленном употреблении.

Слова, включенные в такие бинарные оппозиции, как тело и душа, тело и дух, веселье телесное и веселье сердечное, во многих местах поэмы теряют свою оппозиционность и, как в сцене закуски у полицмейстера, оказываются вполне сходными, проникая, переливаясь друг в друга. Не случайно сцена закуски у полицмейстера последовала за процедурой оформления купчих в присутственном месте. «Председатель, который был премилый человек, когда развеселялся, обнимал несколько раз Чичикова, произнося в излиянии сердечном: “Душа ты моя!..”. После шампанского раскупорили венгерское, которое придало еще более духу и развеселило общество» [140]. Хорошо видно, что «дух» здесь — это не Божественный огонь в душе человека, а то, что в переносном смысле именуется духом наслаждения и наживы. После сделки с Маниловым «Чичиков в довольном расположении духа сидел в своей бричке, катившейся давно по столбовой дороге. Из предыдущей главы уже видно, в чем состоял главный предмет его вкуса и склонностей, а потому не диво, что он скоро погрузился в него и телом и душою» [39—40]. Душа как вестница духовного мира оказалась в плену телесных потребностей и радуется тому, что может интересоваться лишь плотью. Таким образом, духовное начало современного человека замыкается на телесном, сводится к нему и фактически оказывается излишним. Тело и душа не образуют вертикали, их отношения разворачиваются по горизонтали. Вот одна из сцен губернаторского бала: «А уж там в стороне четыре пары откалывали мазурку; каблуки ломали пол, и армейский штабс-капитан работал и душою и телом, и руками, и ногами...» [154]. Все, что призвано выражать высокое в человеке, приземляется. Так, «слово», генетически восходящее к Божественному слову, нивелируется, низводится до акта физиологии. Вот один из эпизодов ужина после упоминавшегося бала у губернатора: «Мужчины почтенных лет, между которыми сидел Чичиков, спорили громко, заедая дельное слово (разрядка наша. — Ю. М.) рыбой или говядиной, обмакнутой нещадным образом в горчицу...» [159].

Автор показывает, что «сердце» как чуткий нравственный детектор, источник высоких помыслов и поступков перерождается: теперь оно покрывается скорлупой равнодушия к ближнему и испускает импульсы, совершенно свободные от какого-либо высокого содержания. К сердцам персонажей поэмы трудно достучаться, путь к этому средоточию духовной сферы человека становится долгим и почти непроходимым, так что обычные чувства могут легко затеряться, исчезнуть без следа.

Сердца многочисленных персонажей «Мертвых душ» обращены к низким предметам, и немудрено, что, придя в возбужденное состояние, они толкают человека в лучшем случае к заурядным, а нередко и нравственно неблагоприятным поступкам. Так, в поэме кратко, но выразительно разоблачается блудливое сердце — сердце заседателя Дробяжкина, представлявшего в деревне земскую полицию и поплатившегося за разврат собственной жизнью. «Конечно, земская полиция [Дробяжкин] достоин был наказания за сердечные слабости, но мужиков... нельзя было также оправдать за самоуправство, если они только действительно участвовали в убиении» [177]. Гоголь уделяет место и нежным движениям сердца Манилова, предлагающего Чичикову и

щи, и несуществующих крестьян на вывод исключительно от «чистого сердца». При этом автор, имея в виду Манилова, пишет, что «он, точно, хотел бы доказать чем-нибудь сердечное влечение, магнетизм души, а умершие души в некотором роде совершенная дрянь» [37].

Гоголь подробно знакомит читателей с душевными качествами представителей городского света, приоткрывая секреты приватного общения дам «просто приятной» и «приятной во всех отношениях». На поверку эти душевные качества оказываются не весьма высокого достоинства, «но все это было облечено самую тонкою светскостью, какая только бывает в губернском городе» [164]. Как специально оговаривает Гоголь, статус дамы, приятной во всех отношениях, Анна Григорьевна «приобрела законным образом, ибо, точно, ничего не пожалела, чтобы сделаться любезною в последней степени, хотя, конечно, сквозь любезность прокрадывалась ух какая юркая прыть женского характера! и хотя подчас в каждом приятном слове ее торчала ух какая булавка! а уж не приведи Бог, что кипело в сердце против той, которая бы пролезла как-нибудь и чем-нибудь в первые» [164].

Так называемые благородные движения души и сердца представителей городского света на самом деле выступают частью искусственного имиджа, они выполнены по шаблонам поведения лиц высшего столичного общества, по модным произведениям художественной литературы, по газетным штампам и стереотипам, по школьным прописям. Как в деланно-восторженном тоне писали губернские газеты о восприятии горожанами вновь разбитого там парка: «было очень умиительно глядеть, как сердца граждан трепетали в избытке благодарности к господину градоначальнику» [15]. А вот и атрибут казенного школьного воспитания, укрепившего, надо думать, в юном Павлуше Чичикове природную склонность к лицемерию: «вечная пропись перед глазами: “не лги, послушествуй старшим и носи добродетель в сердце”» [204]. Вспоминается также приветствие губернаторши, обращенное к Павлу Ивановичу в сцене бала, весьма похожее на строки нашумевших тогда повестей столичных беллетристов о жизни высшего света: «Неужели овладели так вашим сердцем, что в нем нет более ни места, ни самого тесного уголка для безжалостно позабытых вами» [152].

Искренняя сердечность, глубина чувств, их благородство и естественность стали редкими явлениями, широко распространились мелочность, притворство, имитация, холодность. Подлинные эмоциональные переживания, исходящие из самого сердца, перестали быть востребованными, попали в разряд старомодных и смешных. Романтическая литература пыталась бороться с этой заявляющей себя все более откровенно тенденцией. Романтики утверждали, что чем более безнадежен в нравственном отношении персонаж, тем бессильнее и безжизненнее оказывается его сердце в духовном плане, тем больше появляется резонов воспринимать его как источник зла. Эмоциональная глухота сердца, недостижимость его для чувств, исходящих от других людей, т. е. то, что именуется бесчувственностью, — важнейшая, с точки зрения романтического писателя, характеристика персонажа. Вот, к примеру, параллель между творчеством Гоголя и Диккенса, вполне уместная, как показал еще И. М. Катарский [1966, 69], — эпизод из романа Ч. Диккенса «Приключения Оливера Твиста». Напомним: стоит промозглая ветреная ночь, в квартиру Сайкса и его сожительницы Нэнси приходит Феджин. Нэнси предлагает Феджину присесть к очагу, «так как ночь — что

и говорить — холодная. — Да, моя милая Нэнси, очень холодно, — сказал еврей, грея свои костлявые руки над очагом. — Пронизывает насквозь, — добавил старик, потирая себе бок. — Лютый должен быть холод, чтобы пробрать вас до самого сердца, — сказал мистер Сайкс» [Диккенс, 1958, 169]. При всей внешней безобидности последней реплики, это одна из самых разоблачительных характеристик, данных вожаку преступной банды, которую к тому же автор влагает в уста матерого грабителя и душегуба. Эта реплика в адрес Феджина, как и некоторые другие, всегда неожиданно срывающиеся с губ грубого, жестокого и, как кажется, тупого Сайкса, придают первому качество человека, не лишенного способности глубоко понимать людей.

Подобное обвинение в бессердечии Гоголь выдвигает лишь к Собакевичу: «Казалось, в этом теле совсем не было души, или она у него была, но совсем не там, где следует (исходя из того, что вместилище души — сердце. — Ю. М.), а, как у бессмертного Кашея, где-то за горами и закрыта такою толстою скорлупой, что все, что ни ворочалось на дне ее, не производило никакого потрясения на поверхности» [95]. С точки зрения автора, менее пропащим, хотя и тяжело страдающим от бессердечия оказывается Плюшкин. Так, после вопроса, сделанного Чичиковым о знакомых Плюшкина, способных представлять его интерес в городе, последний вспомнил, что нынешний председатель палаты ходил когда-то у него в друзья. Далее Гоголь замечает, что «на этом деревянном лице вдруг скользнул какой-то теплый луч, выразилось не чувство, а какое-то бледное отражение чувства...» [117]. Затем автор дает блестящее развернутое сравнение этого полуживого чувства с тонушим человеком, который в последний раз показался над водой перед тем, как его окончательно поглотит роковая стихия: «Так и лицо Плюшкина вслед за мгновенно скользнувшим на нем чувством стало еще бесчувственней и еще пошлее» [117].

Духовная вертикаль, которую несправедливо живущие люди не замечают, а если и сталкиваются с ней, то действуют все-таки ей вопреки, тем не менее и поныне существует, и не только существует в мире, но определяет его, как и многие тысячелетия назад. Вот идейное основание для пафоса лирического «я» в поэме «Мертвые души». Лирические отступления автора создают ту духовную структуру произведения, в которой как в системе координат прочерчиваются пути всех гоголевских персонажей, всей России, всего человечества.

Диагноз человечества определяется средствами духовной топографии. Гоголь утверждает, что человечество сбилось с верного пути, оно дало себя увлечь ложными ценностями, оно слишком понадеялось на собственное понимание того, что нужно человеку. Вместо естественного солнечного света — искусственная иллюминация; вместо веры — суеверие и наглость, самоуверенно-агрессивное шарлатанство; вместо подлинного знания и мудрости — издержки техногенной цивилизации; вместо глубокого осмысления далекой и совсем недавней истории — глумление и насмешка над ней; вместо освященных веками традиций — сомнительные и скороспелые новации. «Поди ты сладь с человеком! Не верит в Бога, а верит, что если почешется переносье, то непременно умрет; пропустит мимо создание поэта, ясное как день, все проникнутое согласием и высокою мудростью простоты, а бросится именно на то, где какой-нибудь удалец напутает, наплетет, изломает, выворотит природу, и ему оно понравится, и он станет кричать: “Вот оно, вот настоящее знание тайн сердца!”» [189]. Всеми изображаемому миру, погрязшему в пошлости, противопоставит лирическое «я» автора

поэмы, который с огромной силой пророческого и провидческого вдохновения обращается к читателю с призывом восстановить духовную вертикаль в своем сердце, проникнуться «нисходящим с небес смыслом» [192], не пропускать мимо «создание поэта... проникнутое согласием и высокою мудростью простоты». Такова общая картина действующих лиц произведения, в которой главным героем (или просто «нашим героем», как именует его сам Гоголь) предстает Павел Иванович Чичиков.

Насколько Гоголь однозначен в своем пафосе осуждения нравственного характера современного общества, настолько он амбивалентен в отношении к духовному облику своего героя. Лишь поначалу кажется, что, с точки зрения автора, Павел Иванович, что называется, ни то ни се: «не красавец, но и не дурной наружности, не слишком толст, не слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод» [11]. Кажется, что Чичикова автор определенно относит к многочисленному разряду «господ средней руки», которые, пожалуй, отличаются лишь одним замечательным качеством — крепким желудком. Безусловно, Павел Иванович обладает отменным аппетитом: то поросенка с хреном закажет, то пулярку вместе с холодной телятиной. Без тени смущения Гоголь рассказывает как о чем-то достойном упоминания, что его герой «высмаркивался чрезвычайно громко. <...> Это, по-видимому, совершенно невинное достоинство приобрело, однако ж, ему много уважения со стороны трактирного слуги, так что он всякий раз, когда слышал этот звук, встряхивал волосами, выпрямлялся почтительнее и, нагнувши с вышины свою голову, спрашивал: не нужно ли чего?» [14]. Автор поэмы без устали продолжает снабжать читателя подобного рода совершенно прозаическими сведениями, как спит его герой, как раз в неделю обтирает свое тело влажной губкой, наполовину смоченной одеколоном, как воспитывает своих слуг — кучера Селифана и лакея Петрушку, и т. д. Кажется, что Гоголю не пришлось долго выискивать такого персонажа, каким он нам представлен для первоначального знакомства. Автор даже как будто извиняется за то, что в поэме в качестве главного (и даже единственного) героя фигурирует господин «средней руки» — Павел Иванович Чичиков. «Очень сомнительно, чтобы избранный нами герой понравился читателям», — замечает Гоголь. Однако здесь же раскрывается мотивировка решения автора, ибо он «не может взять в герои добродетельного человека» [203], а берет человека такого, какого выработало в качестве передового нынешнее общество, не имеющее твердых нравственных оснований, воспринимающее их как анахронизм, несовместимый с нуждами всеобщего прогресса.

Следует признать, что выбор Гоголя замечателен в том отношении, что он позволяет оценивать нравственное состояние современного общества через художественное воспроизведение жизни одной из его характерных фигур — приобретателя Чичикова. Что же делать, если человек родился в таком обществе? Как известно, жить в обществе и не зависеть от него нельзя. В обществе, построенном на приобретении, становятся обычными дела, «которым свет дает название не очень чистых (выделено Гоголем, разрядка наша. — Ю. М.)» [220]. Тот, кто занимается приобретательством, не может быть добродетельным человеком, хотя, как стремится в том убедить читателя автор поэмы, его герой не подлец. Он скорее (Гоголь дает понять это вполне определенно) современный «страстотерпец», который «испытал много на веку своем, претерпел на службе за правду, имел много неприятелей, покушавшихся даже на жизнь его» [16]. Последняя глава первого тома «Мертвых душ» красноречи-

во свидетельствует в пользу такой репутации нашего героя, свершившего многочисленные подвиги бережливости, трудолюбия и почитания начальства. Тут, наконец, Павел Иванович предстает перед нами во всем блеске своего неординарного характера приобретателя. Нет, это отнюдь не господин «средней руки», это современный аскет и мудрец, которого свет еще не распознал и не оценил по достоинству. «Еще ребенком он умел уже отказать себе во всем. Из данной отцом полтины не издержал ни копейки, напротив, в тот же год уже сделал к ней приращения...» [206]. Как в житийной литературе какой-нибудь будущий святой с измальства не смеется и не играет со сверстниками, так и Павлуша, будучи еще ребенком, отдает всего себя служению копейке. Он свято помнит и неукоснительно следует завету отца: «больше всего береги и копи копейку» [206]. «Вышел из училища, он не хотел даже отдохнуть: так сильно было у него желанье скорее приняться за дело и службу» [208]. «Решил он жарко заняться службою, все победить и преодолеть. И точно, самоотвержение, терпенье и ограничение нужд показал он неслыханное. С раннего утра до позднего вечера, не уставая ни душевными, ни телесными силами, писал он, погрязнув весь в канцелярские бумаги...» [208]. Однако жестокая судьба преследовала подвижника канцелярской службы и не раз низвергала его с высот чинов и званий, завоеванных им собственным рвением и самоограничением. Но, подобно библейскому Иову, известному нам своим знаменитым «Бог дал, Бог взял», Чичиков после очередного рокового служебного понижения и плачевного материального оскудения говорил себе: «Плачем горю не пособить, нужно дело делать» [213]. Сказав такие слова, Павел Иванович отправлялся сызнова начинать подпорченную собственным мошенничеством карьеру, собирался «вновь вооружиться терпением, вновь ограничиться во всем, как ни привольно и ни хорошо было развернулось прежде» [213]. И нынешняя представленная в поэме погоня за мертвыми душами оказывается не чем иным, как очередным поприщем, подвигом, уроком, испытанием личных и деловых качеств — сметливости, обаяния, терпения, самообладания, знания людей, удачливости в рискованном деле приобретателя: «Конечно трудно, хлопотливо, страшно, чтобы как-нибудь еще не досталось, чтобы не вывести из этого истории. Ну да ведь дан же человеку на что-нибудь ум (здесь и далее в цитате разрядка наша. — Ю. М.)» [219]; «Кровь Чичикова играла сильно, и нужно было много раз уминой воли, чтоб набросить узду на все то, что хотело бы выпрыгнуть и погулять на свободе» [217].

Как видим, у нашего героя были и ум, и воля. Было и чувство: он любил свое лицо, особенно круглый подбородок, которым «весьма часто хвалился... перед кем-нибудь из приятелей, особливо если это происходило во время бритья» [124]. Он легко вступал в приятельские связи с людьми, как это видно из его отношений с Маниловым. Уже пообщавшись в Маниловке, они неожиданно встретились в городе. Два приятеля «заключили тут же друг друга в объятия и минут пять оставались на улице в таком положении» [129]. Вспомним, наконец, о ярко вспыхнувшем чувстве Павла Ивановича к губернаторской дочери. «Нельзя сказать наверно, точно ли пробудилось в нашем герое чувство любви. По крайней мере он чувствовал себя совершенно чем-то вроде молодого человека, чуть-чуть не гусаром» [155].

Тем не менее больше всего на свете Чичиков любил то, что «отзывалось богатством и довольством», оно производило на него впечатление, «непостижимое им самим» [208]. «В нем не было привязанности собственно к деньгам для денег; им не

владели скряжничеством и скупостью. Нет, не они двигали им: ему мерещились впереди жизнь во всех довольствах, со всякими недостатками; экипажи, дом, отлично устроенный, вкусные обеды — вот что беспрерывно носилось в голове его» [208]. Этот вид любви, получивший, надо признать, в современном обществе форму всеобщего эквивалента любого движения сердца, является главной движущей пружиной поведения Чичикова. Как и все, «он рассуждал, и в рассуждении его видна была некоторая сторона справедливости: “Почему же я? Зачем на меня обрушилась беда? (т. е. очередное административное или даже судебное наказание за плутовство на службе. — Ю. М.). Кто же зеваает теперь на должности? — все приобретают”» [217]. И Чичиков совершает чудеса приобретения, как показывает Гоголь, еще в пору своей молодости. Его профессиональные качества приобретателя как-то сразу пошли в сторону мошенничества — в силу ординарности и пошлости его эмоциональной сферы. Сердце — самое уязвимое место современного человека.

Последняя афера нашего героя с мертвыми душами демонстрирует такое неуклонное развитие его нравственной глухоты и даже невменяемости, которые способны по своей тенденции представлять угрозу уже для фундаментальных устоев социума и самой государственной жизни. Потому-то не только для чиновников губернского города N, но и для самого автора поэмы Чичиков — при всей обходительности, деликатности его манер, благонамеренной внешности, приверженности к чистоте тела и благопристойности выражений — является невиданным доселе страшным существом, таящим в себе некое неопределенное состояние, некие безграничные силы, никак не соразмерные господину «средней руки» и вообще не соразмерные тем параметрам человека, который был сформирован в лоне христианской культуры. Это даже не тот романтический злодей, который может зверским образом расправиться со своей любовницей, заподозрив ее в предательстве. Такой поступок мы можем понять, несмотря на его чудовищность. Чичиков — это преступник такой потенциальной силы, который способен потягаться со всем человечеством, с его ценностным миром. Это личность, которую вполне можно назвать *с и н г у л я р н о й* (от лат. *singularis* — отдельный, особый).

Когда стали известны кое-какие смущающие ум подробности визита Чичикова в губернский город и его окрестности, то отцам города оказалось нелегко выработать позицию, которую они должны были занять по отношению к нашему герою. Кто же такой Чичиков, благоприятное впечатление о котором они все получили в процессе непосредственного общения? Какие социальные силы за ним стоят? Коллежский советник, помещик Чичиков, разъезжающий по России по своим надобностям, «такой ли человек, которого нужно задержать и схватить как неблагонамеренного или же он такой человек, который может сам схватить и задержать их всех, как неблагонамеренных» [179]. Гоголь убедительно показывает, что эти сомнения и далеко идущие, а то и прямо фантастические предположения отнюдь не сводятся к фантомам распространявшихся в городе слухов или тривиальной глупости чиновников. Дело в том, что в обществе, утерявшем нравственные ориентиры и устремленном к приобретательству как высшей цели, становятся возможны такие люди, которые умеют воспользоваться самыми мощными социальными рычагами для личного обогащения, для устройства своей жизни со всякими недостатками. При этом внешне даже при ближайшем знакомстве, а не только через газеты и другие средства массовой коммуникации эти

господа могут выглядеть благонамеренными, дельными, умными, порядочными, любезнейшими людьми. Суть сегодняшнего человека не определена ни должностью, ни природными задатками, ни образованием, ни общественным авторитетом, ни родственными связями. В каждом современном человеке, лишенном внутренней духовной вертикали, поселяется «сингулярность» — зловещая способность привести своими поступками в действие самые роковые механизмы социального развития, которые нынешнее общество, увы, в себе несет.

Однако Гоголю нравится его герой, как может нравиться какой-нибудь страшный для человечества вибрион, открытый ученым в результате долгих и трудных изысканий. Гоголь — оптимист: он верит в своего героя, с которым, как рассчитывает автор, в конце концов обязательно произойдет нравственное перерождение. Чичиков должен наконец распознать, «что отовсюду устремлен пронзительный перст на него же, на него, на текущее поколение» [192]. Хочется верить, что Гоголь в принципе прав в своих прогнозах, но, мы как люди, живущие в начале XXI в., вполне обоснованно можем утверждать, что великий русский писатель ошибался в сроках. Большой вопрос: окажутся ли способными духовно прозреть, обрести то сердце, которое будет безошибочно указывать путь к высокому, другие Чичиковы? Пока же сингулярные личности, очень похожие на главного героя «Мертвых душ», и в начале нынешнего столетия напускают «слепой туман друг другу в очи», сбивают общество в сторону от верных ориентиров и заставляют его идти «вслед за болотными огнями», влачась за которыми мы, кажется, уже добрались до пропасти и с ужасом спрашиваем друг друга: «где выход, где дорога?» [192].

Гоголь Н. В. Мертвые души : поэма // Собр. соч. : в 9 т. Т. 5. М., 1994.

Диккенс Ч. Собрание сочинений : в 30 т. Т. 4. М., 1958.

Катарский И. М. Диккенс в России : середина XIX века. М., 1966.

Самоделова Е. А. Антропологическая поэтика С. А. Есенина. М., 2006.

Хализев В. Е. Теория литературы. М., 1999.

Статья поступила в редакцию 22.05.2008 г.